

Д. Никулич

Христос В истории

«И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу,
и воскреснуть из мертвых в третий день».

Евангелие от Луки.24:46

Несколько документов о последних событиях в жизни Христа,
извлеченных из исторических летописей.

Третье издание 2007 г.

Повествование архива кесарей

Введение

Кроме содержания Евангелий и апостольских Посланий, говорящих нам о жизни Великого нашего Спасителя Иисуса Христа, в летописях древней истории также находятся великие документы о том, за кого почитали Христа руководители народа того времени. Документы, публикуемые нами в этой брошюре, ещё более освещают то, что написано нам в Евангелиях о жизни и смертном приговоре Иисуса Христа, а также о событиях в природе, которые произошли во время Его смерти и воскресения, — событиях, которые отвергаются многими учёными наших дней.

Из этих документов также можно заметить тайны Римской юстиции, которая из-за пошлых политических интересов приговорила к смерти Того, Кто был невиновен, и в то же время освободила Варавву, одного из низких преступников. Ошибка и роковая несправедливость тех судей, которые приговорили Иисуса Христа к смерти, представляет собой страшное предупреждение для судей нашего времени, которые считаются последователями неверно Осуждённого, чтобы они не повторили той же несправедливости, произнося несправедливые приговоры против тех, которые не имеют другой вины, кроме защиты принципов, установленных Христом. Преступная вина евреев, одержимых смертельной яростью против Христа, представляет собой также потрясающее предупреждение для нынешних религиозных вероисповеданий, которые поддаются такому же фанатичному гневу, пытаясь возбуждать государственные власти против других верующих, которые не соглашаются с их неверной позицией. Из ниже приведенного материала можно увидеть, что могут сделать те лжепастыри, которые пренебрегли укрощающим влиянием Духа Святого и каких пределов может достичь их жестокость. Но справедливость — это Божественное и неизменное качество, и тот, кто дерзает преступать её, не может остаться ненаказанным, но подобно тому, как несправедливости Пилата, Иуды и иудейских старейшин получили заслуженную расплату, такой будет участь и всех тех, которые допускают несправедливость в обращении и в суде. Более того, несправедливость, допущенная руководителями народа, может навлечь гнев и проклятие Божье на всю нацию. Господь да сохранит правителей нашей страны от подобной несправедливости с такими ужасными последствиями!

Издатели

Примечание редакции. Эти документы взяты и переведены из иностранных журналов, поэтому мы помещаем их в таком виде, в каком нашли. К сожалению, мы не имеем под рукой оригиналов, чтобы проверить достоверность данных документов. Однако столько людей читают Библию, не видя ее оригинала!

Какое свидетельство о Христе представляет язычник Лентулус?

Письмо, посланное Публиусом Лентулусом,
губернатором Иудеи, императору Тиберию Римскому

“Вашему Величеству и почтенному Сенату Рима со стороны сенатора Лентулуса, губернатора Иудеи, приветствие!

Узнал я, что Вы желаете знать то, что я теперь сообщаю Вам через это письмо. Здесь живёт один человек, пользующийся большой репутацией благочестивого человека, по имени “Иисус Христос”. Народ называет Его Пророком Истины, а ученики Его утверждают, что Он — Сын Божий, значит, Сын Того, Кто создал небо и землю и все, что существовало, существует и будет существовать во всей Вселенной. И в самом деле, о, царь, ежедневно слышно о чудесах, совершаемых этим Иисусом Христом. Одним-единственным словом Своим Он возвращает здоровье больным и жизнь умершим.

Он среднего роста и удивительной красоты. Взгляд Его столь величествен, что внушает почесть к Себе во всех тех, которые смотрят на него и которые чувствуют себя принужденными любить и бояться Его. Волосы Его цвета зрелой фисташки, т.е. красноватого, и облегают прядями Его плечи, разделяются надвое посередине головы, по обыкновению назореев. Чело Его широко и выражает невинность и спокойствие. На Его румяном лице не видно ни одного пятна и ни одной морщины. Нос и уста Его не подают никакого повода к критике, а густая борода Его подобна волосам Его, она длинна и разделяется надвое посередине.

Взгляд Его величествен и ясен; у Него сверкающие глаза. Свет, изливающийся от Его лица, подобен свету солнца, так что невозможно, чтобы кто-нибудь смотрел на Него слишком долго. Это сияние внушает страх. Но когда Он учит и советует, то делает это слёзно и таким образом привлекает любовь и почтение слушателей. Говорят, что Он никогда не смеётся, но глаза Его вечно в слезах. Руки Его красивы. Очень приятно, когда Он говорит, но очень редко выходит в мир. Что же касается учения Его, то Он привлекает им весь Иерусалим. Он обладает в совершенстве всеми науками, без того, чтобы обучался хотя бы одной из них. Путешествует босым и с обнаженной головой. Здесь говорят, что такого человека еще не было видно до сих пор в этих местах. Много иудеев считают Его за Бога, другие же доносят на Него, что Он действует против законов Вашего Величества. Я очень возмущаюсь и волнуюсь по причине этих завистливых евреев. Человек этот никогда и никому не причинил какой-либо неприятности. Если Ваше Величество желает повидать Его, как Вы недавно писали мне, тогда оповестите меня об этом, и я немедленно пошлю Его к Вам, ибо я готов со смирением и подчинением выполнять всё то, что повелит мне Ваше Величество...”

Писано в Иерусалиме, Круг 10, месяц 9-й
— Его Величеству, подданный и смирённый служитель (сс)
Публиус Лентулус, губернатор Иудеи

Примечание издателей. Этот документ найден в Англии в одной частной библиотеке приблизительно в 1865 году. После этого он был напечатан в болгарском журнале “Нова Светлина и здравесловие” в 1885 году.

Примечание. Вышеприведенное объявление совпадает с написанным в Св.Писании. Что касается Его лица, то, кажется, оно противоречит пророчеству Исаии в 53 гл., где говорится за семьсот лет до Рождения Христа, что Он не имел «ни вида ни величия». Но Исаия хотел этим сказать, что Он не имел ни украшений богатства, ни светской славы. Все же Он был совершенным существом, что касается физического состояния, но был подобен нам по виду и не обладал никаким земным блеском, потому что величие Божье покоилось на Нем. Иоанн Креститель узнал Его как раз по Его лицу, освященным Духом Святым, которое не имело никакого следа греховных морщин, и представил Его народам как Агнца Божьего, берущего на Себя грехи мира.

То, что Он часто плакал, нам говорит и Евангелие: Он плакал над Иерусалимом, плакал о Лазаре, когда тот был мертв, и в других случаях, но мы нигде не читаем, чтобы Он когда-нибудь смеялся.

Об Его учении и мудрости Евангелие говорит, что народы остались в удивлении от слышания Его Слов. Примечательно ещё и то, что Лентулус не сообщает, что Иисус обучался где-то в Египте или в Индии хиромантии и факирству, как это утверждают безбожные оккультисты и философы наших времен. Объявление римского язычника разбивает безосновательное утверждение всех неверующих нашего времени. Евангелие говорит, что многие удивлялись учению Иисуса, и причины этому удивлению выражались в следующих словах: “как Он знает Писания, не учившись?”

Другой документ — большой исторической и религиозной важности, который указывает на угрызение совести, которое переносил Пилат после осуждения и казни Иисуса, и причины, побудившие его вынести этот несправедливый приговор.

Вот каким путём мы смогли получить этот драгоценный документ.

Любезные читатели почувствуют почать и признательность по отношению к одному христианину по имени В.Д. Махан, который, узнав об этом документе, обратил на него внимание и перевел с латинского языка на английский. Он впервые услышал об этом документе от одного немецкого студента, который, будучи в Риме на теологическом факультете и разыскивая любопытные данные в огромных библиотеках Ватикана, нашел рапорт Пилата к римскому кесарю, но в начале не счел его за столь важный документ, чтобы переписать его. Но после нескольких лет он сказал В.Д. Махану об этом документе. Последний, почувствовав горячее желание получить этот документ, написал бывшему немецкому студенту (который, между прочим, возвратился профессором в Вестфалию, Германия) и попросил его постараться через своих знакомых в Ватикане переслать ему копию этого драгоценного документа. Немецкий профессор обратился к пастору Фрейлингаусену, начальнику Ватиканских парадов, который и добыл ему английский перевод этого документа и отправил его желающему.

Рапорт Пилата, Римского губернатора

Иудеи к кесарю Тиверию

Благородный государь, приветствую!

Причины, вызвавшие то волнение в Иерусалиме, которое произошло в связи со смертью Иисуса из Назарета, и те события, которые произошли в моей провинции несколько дней тому назад, были такого характера, которые заставляют меня сделать Вам это донесение, ибо я не буду поражен, если в течение некоторого времени совсем не изменится судьба нашей нации, потому что, кажется, в последние дни боги перестали быть снисходительны к искушению. Я со своей стороны готов сказать: да будет проклят тот день, в который я последовал за Валериусом Грациусом, чтобы управлять Иудеей! По прибытии в Иерусалим я принял в свое распоряжение судейскую палату и повелел устроить большой ужин, на который пригласил тетрарха Галилеи вместе с архиереем и его официальными подчиненными. В назначенный

час никто не явился. Это было оскорблением моей личной чести. Спустя несколько дней ко мне пришел архиерей просить извинения. Одевание его и обращение его были ужасно лукавыми. Он говорил, что религия воспрещает ему и его подданным сидеть за одним столом с римлянами и здороваться с ними (соприкосновением стаканов) Я посчитал за хорошее принять это извинение, но тогда же убедился, что подчиненные объявляются врагами победителей, и мне показалось, что из всех завоеванных городов Иерусалим

— самый трудный для управления. Настолько взволнован был этот народ, что я постоянно жил в страхе, что в каждую минуту может вспыхнуть революция. Но для ее подавления я не имел более чем одного сотника и горсть солдат. Я потребовал подкрепления от губернатора Сирии, который сообщил мне, что он сам едва ли имеет достаточно войск для защиты своей провинции. Неукротимое желание к завоеваниям ведет к увеличению империи более того, чем позволяют наши средства защиты; боюсь, чтобы это не было причиной к развалу нашего благородного правления.

Между множеством извещений, прибывших ко мне, прибыла и одна весть, которая заинтересовала меня особенным образом... Сообщалось, что в Галилее появился один молодой человек, проповедующий благородным и нежным тоном другой закон во имя Бога, пославшего Его. В начале я опасался, чтобы это не был какой-нибудь агитатор, возбуждающий народ против римлян, но вскоре мои опасения рассеялись. Иисус из Назарета говорил как друг римлян, а не евреев.

Проходя в один день мимо местности, называемой Силоам, я увидел там большое собрание народа, а посередине этого народа — одного молодого человека, который стоял под деревом и со всей ясностью и спокойствием проповедовал народу. Мне сказали, что это Иисус. Он был как раз Тем, Кого я менее всего ожидал увидеть. Столь великое отличие было между Ним и Его слушателями. Его золотистые волосы и борода придавали ему небесную представительность.

Он, казалось, был лет тридцати. Во всей жизни моей я не видел такого сладкого и ясного взгляда. Какой контраст был между Ним и Его слушателями с черными бородами и ожесточенными лицами!

Не желая прервать Его моим присутствием, я продолжал свой путь дальше, но сделал знак моему секретарю, чтобы он присоединился к народу и послушал, что Он говорит. Имя моего секретаря — Манлиус. Он является правнуком начальника

шпионажа и конспирации, который спрятался в Есрурии в ожидании Катилипии. Манлиус — древний уроженец Иудеи и поэтому отлично знает еврейский язык. Он очень предан мне и достоин всякого доверия. Войдя в судейскую палату, я нашел там Манлиуса, который рассказал мне слова, услышанные от Иисуса, говорящего в Силоаме. Он сказал мне: “Ни разу не читал я в книгах или в произведениях философов что-либо подобное, что могло бы сравниться с проповедями Иисуса. Один из взбунтовавшихся евреев, которых так много в Иерусалиме, спросил Его: “Справедливо ли платить подать Кесарю?” Иисус ответил ему: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу”. Благодаря этой Его мудрости я оставил Назорея свободным, ибо было в силе моей арестовать Его и послать к тебе, но это было бы против той справедливости, которая всегда отличала римлян.

Пилат продолжает: “Человек этот не был ни возмутительным и ни требовательным, и я защищал Его моею протекцией, возможно, неизвестной Ему. Он имел свободу работать, говорить и созывать собрания, говорить проповеди народу и выбирать себе учеников, не удерживаемый никаким преторианским указом. Но если бы случилось (да помилуют нас боги!), это только лишь предположение, если бы случилось, говорю я, чтобы религия наших предков была бы заменена религией Иисуса, то эта замена была бы обязана нашему благородному снисхождению, проявляемому со стороны Рима, в то время как я, жалкий, несчастный человек, может быть, был бы инструментом, который христианами называется “Провидение”, через которое сошла бы на нас “эта судьба и дестин”. Но эта безграничная свобода, данная Иисусу, привела евреев в бешеную ярость, но не бедных, а богатых и сильных. И в самом деле, Иисус очень строго обращался с последними (с богатыми), и это было для меня хорошим поводом к тому, чтобы не волновать свободу Назорея. Фарисеям и книжникам Он говорил: “Вы — порождение ехидны; вы — как подбеленные гробы”. В другой раз Он был возмущен их озлобленными постами и дарами богачей, говоря им, что две копейки бедной вдовы дороже перед Богом, чем их богатые дары... Ежедневно в судейскую палату поступали жалобы на еврейские дерзости. Я осознавал, что с этим человеком случится какое-нибудь несчастье. Ибо не в первый раз было это, когда Иерусалим побивал камнями тех, которые были называемы ими пророками. И если претор откажет им в этом, то они пошлют жалобу кесарю.

Мой поступок был утвержден Сенатом, и мне было обещано военное подкрепление по окончании войны с Партами, ибо в ином случае я не был в состоянии противостоять восстанию. Потом я решился принять некоторые меры для восстановления порядка в городе и во избежание каких-либо последствий в Преториате.

Я написал Иисусу, пригласив Его на беседу со мной в судейскую палату, и Он пришел. Как Вам известно, в моих жилах течет кровь испанца, смешанная с кровью римлянина, которой неведом страх и которая не поддается душевному смущению. Я прохаживался по двору, когда явился Назорей, и когда мой взгляд встретился с Ним, мне показалось, что как бы железная рука приковала мои ноги к земле, и я дрожал, как преступник, несмотря на то, что Назорей был спокоен и ясен, как невинное дитя. Когда Он подошел ко мне, то остановился сразу и как бы жестом хотел сказать мне: “Вот, я прибыл”.

Некоторое время я оставался окаменелым и с восхищением, почестью и страхом смотрел на фигуру этого сверхестественного Человека, фигура которого не была известна множеству наших художников, которые сделали столько форм и фигур разных богов и героев.

“Иисус, — сказал я Ему в конце концов, и язык мой заплетался. — Иисус из Назарета,

три года подряд я давал Тебе великую свободу говорить и не сожалеваю об этом. Твои слова — суть слова ученого. Не знаю, читал ли Ты Сократа или Платона, но одно скажу Тебе, что в Твоих проповедях таится великая скромность, возвышающая Тебя над всеми этими философами. Царь осведомлен о Тебе (письмом Лентула Публиуса) и я, смиренный его представитель в этой общине (Израиля), очень счастлив, что представил Тебе эту свободу, которой Ты пользуешься и которой Ты достоин. Все же не могу скрыть от Тебя, что Твои проповеди вызвали великую и сильную вражду по отношению к Тебе. И это не удивительно: Сократ имел врагов — и пал жертвой их ярости. Твои враги, несомненно, настроены против Тебя по причине Твоих предсказаний и против меня, потому что я даю Тебе свободу. Они обвиняют меня, говоря, что я нахожусь в прямой союзной связи с Тобой с целью освободить евреев и от той слабой власти, которую они имеют от римлян. Итак, моя просьба (не говорю: мое повеление) состоит в том, чтобы Ты в будущем с предусмотрительностью избегал оскорбления гордыни Твоих врагов,

чтобы не взбунтовалось против Тебя низкое население и чтобы не принудили меня употребить средства юстиции”.

Назореи ответили спокойно: “Князь земной, слова твои не исходят от истинной мудрости. Скажи грозе: “Остановись посредине горы, ибо в ином случае вырвешь деревья в низине”. Буря ответит тебе: “Я должна подчиниться законам Создателя”. Только одному Богу известно, куда идет буря. Истинно говорю тебе: до того, как расцветут розы Сарона, кровь праведника будет пролита”. Я сказал Ему: “Ты для меня дороже за Твою мудрость более,

чем все эти возмутители и напыщенные фарисеи, которые злоупотребляют свободой, данной им римлянами, высказываются против кесаря и держат нас в постоянном страхе; это — вредные бунтовщики. Им неизвестно, что лесные волки одеваются иногда и в овечьи шкуры. Я защищу Тебя от них. Моя судейская палата открыта для твоего спасения”. Беспечно покачав головою, и с благодатною Божественной улыбкой Иисус возразил: “Когда день тот наступит, тогда не будет убежища Сыну Человеческому даже под землю. Жилище Праведника находится там, — сказал Он, показывая пальцем на небо. — То, что написано в книгах Пророков, должно исполниться”. — “Молодой человек, — ответил я Ему мягким тоном. — Ты принуждаешь меня переменить мою обыкновенную просьбу в повеление. Благосостояние вверенной мне провинции требует этого. Ты должен проявить более воздержанности в Своих проповедях. Не вреди другим — это я повелеваю Тебе. Блаженство да сопровождает Тебя. Иди с миром!”

“Князь земной”, — ответил Иисус. — Не для того пришел Я, чтобы принести войну в мир, но для того, чтобы дать людям мир, любовь и благоволение. Я родился в один и тот же день, когда кесарь Август дал мир Римскому миру. Гонение не от Меня исходит. Я его ожидаю от других и встречу его с покорностью по воле Отца моего, который указал мне путь. Поэтому ограничь немного твою мирскую мудрость. Не в твоей власти арестовать жертву у ног жертвенника искупления”.

После этих слов Он удалился, как светлое облако, за завесы Претории. Враги Иисуса обратились, в конце концов, к Ироду, господствовавшему в то время в Галилее, чтобы он отомстил Назорею. И если бы Ирод следовал по своей собственной склонности в этом отношении, тогда он немедленно бы повелел приговорить Иисуса к смерти. Но он, хотя и был горд честью своего господства, все же боялся Сената, и не решился на такой поступок, который мог бы разбить его влияние перед Сенатом. Однажды Ирод пришел ко мне в Преторию. И когда после нескольких незначительных слов поднялся, чтобы уходить, спросил меня, какого я мнения об Иисусе Назорее. Я ответил ему,

что, по моему мнению, Иисус — великий философ, каких часто производят некоторые великие народы; что учения Его ни в коем случае не опасны и не представляют собой

никакой ереси, а Рим расположен предоставить Ему всю свободу, и этого Он достоин за Свои дела. Ирод иронически усмехнулся и, приветствовав меня подделанною почестью, удалился.

Приближался великий праздник евреев. Религиозные руководители рассчитывали воспользоваться этим случаем и народным возбуждением, всегда происходящим при Пасхальном празднике. Город был переполнен взбудораженным населением, желающим смерти Назорея.

Шпионы мои донесли мне, что архиереи и фарисеи употребляют казну храма на подкуп народа. Опасность росла с каждым часом. Один из римских сотников был оскорблен. Тогда я написал Префекту Сирии, чтобы он выслал мне немедленно сотню солдат пехоты и столько же кавалерии, но он отказался прислать мне их. Тогда я увидел себя оставленным всеми, только с одной горстью солдат, некоторых старых стражей, среди этого восставшего города; в бессилии подавить восстание и принужденный переносить его. Бунтовщики наложили руки на Иисуса, чувствуя, что у них нет повода бояться Претории, считая меня на стороне их руководителей, что я вроде согласен с ними в этом отношении; все же они продолжали кричать: "Распни Его!"

Три партии объединились против Иисуса: иродиане, саддукеи и фарисеи.

Саддукеи руководствовались двумя поводами: они ненавидели Иисуса и желали избавиться от гнета римлян; они никак не могли забыть мое вступление в святой город с флагами, носящими портреты Римского царя. Хотя в этом случае я и совершил большую ошибку из-за незнания, все же в их глазах это осквернение не уменьшилось. Другое неудовольствие, носимое ими в их сердцах, было то, что я предложил употребить часть казны, принадлежащей храму, на возведение народных построек. По причине этого предложения они были полны озлобления.

Фарисеи были открытыми врагами Иисуса и обращали мало внимания на наше правительство. Они были принуждены три с половиной года глотать те горькие пилюли, которые Назорей бросал им в лицо в народе, куда бы Он ни шел, и будучи очень слабы и робки, не имея храбрости самим принять желаемые меры, были очень рады объединиться с иродианами и саддукеями. Помимо этих трех партий я боролся еще и против взбудораженного населения, всегда готового присоединиться к этому восстанию и воспользоваться тем замешательством, которое образуется при подобных недоразумениях.

При таких обстоятельствах Иисуса повлекли к архиерею и приговорили Его к смерти. По этому случаю архиерей Каиафа совершил унижительный акт подчинения. Он послал Пленника ко мне, что бы я произнес над Ним окончательный приговор. Я же ответил ему, что в виду того, что Иисус родом из Галилеи, Он подлежит судейскому правлению Ирода, и повелел отправить Иисуса к нему. Тот же лукавый тетрарх, притворившись смиренным, сказал, что из чести ко мне вверяет, мне участь этого человека, объявив это

через кессарийского сотника. Мгновенно палата моя приняла вид осажденного города. Каждую минуту число возмутителей росло. Иерусалим был запружен населением, собранным из Назаретских гор. Казалось, что вся Иудея собралась в Иерусалим. Я взял себе в жену одну девицу из Гали. Она имела некоторое откровение о будущем. Со слезами на глазах она упала к моим ногам и сказала: "Берегись и не дотрагивайся до этого Человека, ибо Он свят. В прошлую ночь я видела Его во сне. Он ходил над водами. Он летал на крыльях ветра. Говорил буре и рыбам морским; и все подчинялись Ему. Даже и поток с горы Кедрона протекал, наполненный кровью. Статуи Кесаря были запачканы Голгофской нечистотой. Завесы внутри храма разодрались надвое, а солнце омрачилось, как бы одевшись в траур. О, Пилат, великое несчастье ждет тебя, если ты

не послушаешься гласа жены твоей! Проклятия Римскому Сенату: “Бойся власти Небесной”. В это время мраморные ступени стонали под тяжестью толпы, а Назорей был снова приведен ко мне. Я решил идти к судейской палате в сопровождении моей охраны. Грозным тоном я спросил народ, что ему нужно? — “Смерть Назорею!” — был ответ. — “За какое преступление?” — “Он хулил Бога и пророчествовал о разрушении храма! Он называет себя Сыном Божиим, Мессией и царем Иудейским”. Я ответил им: “Римская юстиция не наказывает за такие дела смертью!” — “Распни Его! Распни Его!” — снова загремел голос бешеной толпы. Крики сумасшедшей толпы колебали палату до самого основания. Среди этого неопишуемого шума был только один-единственный спокойный и невозмущенный Человек. Это был Иисус из Назарета.

После нескольких безрезультатных попыток спасти Его от злобы этих ожесточенных гонителей я предпринял одну меру, посредством которой, как мне казалось, может быть, я смогу спасти Ему жизнь, — я повелел бичевать Его; потом, потребовав умывальник, омыл руки перед толпой, чем показал им мое несогласие на это дело. Но напрасно! Эти негодяи не удовлетворялись иначе, как только лишением Его жизни.

В частые наши гражданские волнения я неоднократно был свидетелем народной ярости, но из всего виденного мною ничто не было подобным тому, что было здесь. Поистине, можно сказать, что к этому случаю все злые духи из преисподней собрались в Иерусалим. Толпа, казалось, не ходила ногами, а носилась по воздуху, воя, как волны бушующего моря! Целое неукротимое море голов было от ворот Претории и до горы Сиона; крик и свист, каких еще не было слышно ни разу в Римской истории. День омрачился, как сумерки, подобные тем, которые были при смерти кесаря Юлия Великого, что также случилось в марте месяце.

Я, губернатор взбунтовавшейся провинции, стоял прислоненным к колонне моей палаты, размышляя об ужасном поступке этих жестоких демонов, которые влекли к месту казни невинного Назорея. Потом все исчезли из моего окружения. Иерусалим вывел вон всех своих жителей, которые тянулись по смертной дороге, ведущей к ужасной Голгофе. Чувство жалости и глубокой грусти защемило мое ноющее сердце. Охрана моя отправилась сопровождать кавалеров, а сотник, проявляя слабую тень власти, старался восстановить порядок. Я был оставлен в одиночестве с разбитым сердцем и думал, что случившееся теперь находилось более во власти богов, чем человека. Вдруг раздался громкий душераздирающий вопль, доносившийся с Голгофы и извещавший о такой агонии, о которой человеческое ухо не слышало еще ни разу! Темные облака спустились и покрыли крыло храма и, разостлавшись над городом, покрыли его, как пеленою. Так ужасны были эти видимые, как небесные, так и земные знамения, что Дионисий Аерофаг воскликнул: “Или Творец природы страдает, или Вселенная гибнет!”

К первому часу ночи я накинул плащ и пошел пешком в город, по направлению к Голгофе. Жертва была принесена; толпа возвращалась обратно в город, но также возбужденная и угрюмая, с омраченными и разочарованными лицами. Многие были охвачены страхом и угрызением от того, что они видели. Также я увидел и небольшой отряд моих солдат, проходящих унылыми, а знаменосец покрыл свою голову флагом в знак печали. Я услышал одного солдата, как он роптал на чужом для меня наречии, которое я не понимал. Здесь и там были видны группы мужчин и женщин, собранных вместе, и когда они взирали на Голгофу, то оставались неподвижными, как бы в ожидании какого-либо другого чуда природы.

Я вернулся в Преторию, удрученный и мучимый мыслями. Поднимаясь по ступеням, можно было видеть капли крови, истекшей от Назорея. Спустя немного времени пришел ко мне один старик с группой плачущих женщин, которые остались у ворот, а он бросился на землю у моих ног с горьким плачем. Ах, как больно и как трогательно

было видеть плачущим старого человека! Я спросил его, чего Он желает. Он ответил: “Я Иосиф из Аримафеи, я пришел просить у тебя позволения похоронить Иисуса из Назарета”. Я ответил ему: “Просьба твоя будет выполнена”. После этого я приказал Манлиусу, чтобы он взял с собой солдат и наблюдал за погребением, чтобы ему не помешали.

Спустя несколько дней могила была найдена пустой. Ученики же Его известили всю провинцию, что Иисус восстал из мертвых, по Своему же предсказанию.

Мне осталась только эта обязанность: известить моего императора об этом отвратительном случае. В ту же самую ночь, которая последовала за неожиданной катастрофой, я начал писать этот рапорт, а к утру был услышан трубный звук, доносящийся со стороны Калвара (Голгофы), играющий арию Дианы, который достиг и моего слуха. Взглянув к воротам кесаря, я увидел приближающуюся колонну солдат и услышал звук трубы, трубящей марш кесаря.

Это было обещанное мне подкрепление из двух тысяч отборных солдат. Для того чтобы ускорить свое прибытие, они шли всю ночь.

“Было решено судьбой, — воскликнул я, ломая руки, — чтобы великое беззаконие свершилось, и для того чтобы подавить вчерашнее восстание, отряды солдат прибыли сегодня!”

Жестокая судьба! Как ты издеваешься над участью смертных людей! Было очень верным то, что воскликнул Назорей со креста: “Совершилось!” Это и есть содержание моего рапорта! Остаюсь смиренным подданным Вашему Величеству.
Губернатор Понтий Пилат. Написано в Иерусалиме 28 марта (4147 г. от мироздания).

Примечания. Из вышеприведенного рапорта Пилата к кесарю Тиверии выясняется, что Пилат прибыл в Иерусалим в качестве губернатора немного раньше, чем Иисус начал Свою миссионерскую деятельность, и что Иисус и Его проповеди имели большое влияние на него. А тот факт, что Иисус посетил Пилата, доказывает, что Христос не разделял с иудеями их фанатичных убеждений, не позволяющих им входить в дома язычников, и т.д. Также видим, что Пилат и власти знали о пропаганде Иисуса, но не принимали никаких мер чтобы запретить, пока иудеи, иродиане и саддукеи не арестовали Его и не принудили губернатора судить Его. Обвинения иудеев, будто бы Иисус учил не давать кесарю подать, были признаны Пилатом неверными. Причина же к тому, что Пилат поддался давлению иудеев и приговорил Иисуса к смерти без того, чтобы найти Его виновным, доказывает, как нетверда и ненадежна человеческая юстиция.

Рапорт Пилата во всем соответствует написанному в Евангелиях относительно допросов Христа, отправки Его к Ироду, примирения Ирода с Пилатом и т.д.

Одного только недостает в рапорте Пилата к кесарю, а именно: текста смертного приговора Иисуса, который, однако, мы приводим на нижеследующих страницах. Как видно, причиной этому может быть опасение, чтобы Кесарь Тиверий как-нибудь не нашел его несправедливым. Поэтому Пилат пытается заставить Тиверия понять, что он не сделал ничего другого, как только утвердил приговор, уже вынесенный Иудейским синедрионом. Все же кесарь мог понять из рапорта Пилата, что его поступок был несправедлив; и как по этой причине, так и по причине других жалоб Пилат был смещен с поста и заключен, отчего и покончил жизнь самоубийством. Как Иуда, так и Пилат, а особенно, весь Иерусалим, были наказаны Божественной рукой. Ирод, о котором здесь говорится, является сыном Ирода Великого, который повелел убить младенцев в Вифлееме после рождения Иисуса. Он был хорошим приятелем фарисеев и имел большую партию в Иерусалиме под названием иродианов. Он отсек голову Иоанну Крестителю, убил Иакова и брата его Иоанна и намеревался убить и Петра,

но гнев Божий постиг и его — ангел Божий поразил его, и он умер, съеденный червями, как раз тогда, когда намеревался захватить под свою царственную власть и другие провинции. Заметьте, как Бог не оставляет безнаказанными гонителей, преследующих Его детей. Он сказал: “касающийся вас, касается зеницы ока Его”.

Полный текст смертного приговора Иисусу Христу:

Текст этого приговора был найден случайно в 1509 г. н.э. в городе Амкуле (Италия), в красивом камне в железной шкатулке, в которой был другой ящичек из мрамора; он был бережно сохранен. Этот приговор, скрытый здесь, был написан на еврейском языке. В первый раз был опубликован в Константинополе в 1851 г. Потом, когда Патриархом был Иеремия, он опубликовал его в своей книге на греческом языке. Этот документ был переведен с греческого на болгарский язык 27 мая 1875 г. в городе Рушююке, потом — на румынский, а ныне — на русский язык.

“В семнадцатый год правления кесаря Тиверия и Римского царя, непобедимого монарха, 201 г. после Олимпиады, пятая тысяча от мироздания. По Еврейскому летоисчислению 4147 г. и 93 год от основания Рима. От освобождения из-под Египетского рабства 580 л. И от разрушения святой страны 97 г. Во время великих мужей римского народа: Люцеи, Сезони и Марк Сипо, и управитель Иларет Палистер, и во время правителя над Иерусалимом сильного и великого князя Понтия Пилата, и во время прокуратора над Галилеей Ирода Антипатра и во время великих первосвященников Анны и Каиафы-Алиаса и Маила, старейшины же храма Рабан и Амабельс, во время великих судей города Иерусалима: Симбинакасасчио, Помпиля Руфа и городского управителя Иоктена.

Я, Понтий Пилат, прокуратор Римской империи, в зале великих принцев приговариваю и подтверждаю к смертному наказанию на кресте называемого народом Иисуса Христа Назорея, человека, восстающего против законов Моисея и против Его Величества кесаря Тиверия, Римского императора.

Решаю и приказываю смерть ему через распятие на кресте, вместе с другими, по обычаю приговоренных к смерти из народа, будь это из богатых или из бедных, за то, что не перестал производить восстание и убытки в Иудее; тем, что называл себя Сыном Божьим и царем Иерусалима, и за то, что угрожал истреблением Иерусалима и святого храма, и за то, что отказался платить подать кесарю, и за то, что осмелился войти в Иерусалим с финиковыми пальмами и множеством народа, как царь, войдя в Иерусалим и в св. храм.

Повелеваю первому моему сотнику (капитану) Коинито Корнелию, что-бы держал Его связанным в народе в Иерусалимском районе и чтобы бил Его и одел Его в пурпуровую мантию и возложил на голову Его терновый венец, и чтобы заставил Его нести крест на плечах, дабы был примером и другим, а также и всем злодеям. Посему повелеваю, чтобы вместе с Ним было взято еще два разбойника из части Имборлова, называемой теперь Андоними, дабы они были распяты вместе с Иисусом Христом пред народом на назначенном для преступников месте, называемом Калвар (место крови). Тот, кто будет распят и кто умрет, да будет оставлен на кресте для устрашения народа и всех преступников и разбойников. А над головой Его чтобы была написана на таблице на трех наречиях следующая надпись:

“Isus Alun Omlis Iodam” — по-еврейски.

“Oico. O.Mazareos Vasilevs Judeon” — по-гречески.

“Isus Nazareus Rex Iudaeorum” — по-латыни.

Повелеваю, чтобы ни один из моих чиновников по чину и обязанности не медлил бы экстренным выполнением своего долга и чтобы не сопротивлялся осуждению того, который добровольно отказался от еврейской веры, и чтобы все исполнили в точности, как повелено мною, непогрешимым, по царственным законам и уставам Римским.

Свидетелями этого осуждения были: из Израильских колен: Руан, Даниил, Рамбинал, Иоакин, Баникан, Ротин, Иотавел, и Периколан; со стороны Римских принцев страны: Лучиос, Сичелиос и Максжмилиос; из фарисеев: Барбос, Симеон, и Боиел; из верховных судей Римских: Рабан, Манданис, и Бакаралос; из великих священников: Руан, Иодус и Букасалис. Начальник над преступниками из иудеев Бутан”.

Иерусалим 27 марта, 4147 г. от мироздания.

Примечания. В Св. Писаниях мы находим, как в очень сжатом виде написано, что “Пилат решил быть по прошению их” (Луки 23:24). Но из усилий, приложенных Пилатом, возможно обнаружить его лицемерную жестокость и нестепенство. Он пытался примирить беззаконие с правдой, и ложь — с истиной. Он, возможно, желал не скомпрометировать себя и пред учениками Христа и, возможно, пред женою своею, которая очень симпатизировала Христу и сон которой был настоящим пророческим предсказанием о том, что должно случиться с теми, которые принимали участие в этом осуждении, а также и с теми из наших времен, которые поступают как евреи, выдавая себя за хранителей и защитников римских законов, в то время как были самыми большими предателями.

Библия говорит нам только о надписи и о допросе, взятом Анной и Каиафой, Иродом и Пилатом в судейской палате. Но из данного документа мы видим что суд не был справедливым. Если Пилат объявил, что “не находит в Нем никакой вины!”, тогда на каком основании он повелел бить Иисуса? Какие римские законы предусматривали, чтобы бить невинного человека?

И если после всех вынесенных Иисусу обвинений ни одно не могло быть доказано и документировано, как это и сам Пилат говорит, что “Он невиновен”, подтверждая это омытием своих рук, тогда на каком основании римских законов он все же повелевает, чтобы невинного пленника избили и распяли? Все же истина всегда проявится, даже когда кажется, что ложь и несправедливость побеждают; триумф все равно будет на стороне чистой истины.

Многое можно извлечь из этого процесса, осудившего и приговорившего Иисуса Христа к смерти, где римские судьи совершили самое величайшее беззаконие. В этом судьи нашего времени могут найти предостережение, чтобы не совершать подобной несправедливости и не быть лицепрятными ни перед

чем, но чтобы судили только соответственно Божественной справедливости. Было бы очень естественным и абсолютно обязательным, чтобы нынешние судьи читали Святую Книгу, т. е. Писания Ветхого и Нового Заветов. Земные трибуналы не должны санкционировать чисто религиозные убеждения или же осуждать кого-либо, кто не верит так, как большинство или как требует официальная религия. Это потому, что история доказывает нам,

что господствующие религии не всегда имели в основании чистую истину, но часто бывали подвластны заблуждению. Евреи, например, думали, что только они имели право на свободу веры. Эта духовная слепота довела их до ужасного преступления, требуя осуждения и смерти Иисуса, Который был воплощением справедливости и истины. И столь велика эта слепота, что омрачает их глаза и до сегодняшнего времени. Эти происшествия служат страшным предостережением для всех народов, но

особенно для религиозных руководителей и для судей!..

Письмо Клавдии Прокулы,

жены Понтия Пилата, написанное ее подруге,

Фулвии Ромелини

(О последних событиях в жизни Иисуса Христа.)

Оригинал этого письма находится в большой античной библиотеке Италии, откуда был скопирован и послан Епископу Дионисию Константинопольскому приблизительно в 1643 г., а отсюда в Болгарию в 1875 г. Вот содержание этого письма:

“Клавдия Прокула, Тебе, Фулвия Ромелия, приветствие!

О, ты, моя верная подруга, спрашиваешь и просишь меня описать тебе те события, которые произошли со дня нашей разлуки. Вести о некоторых из них достигли и до тебя, но тайна, в которую они окутаны, пробуждают в тебе беспокойство и желание знать о моем состоянии. Беря во внимание твою вежливую просьбу, я постараюсь припомнить о кольцах длинной цепи разбросанных воспоминаний в моей жизни, и если ты встретишься в моем письме с такими обстоятельствами, которые удивят твой ум, то вспомни, что силы творения таинственны и окутаны мраком для нашего немощного и смертного разума и что непосильно смертным существам переменить судьбу своей жизни.

Я не буду писать тебе о первых днях моей жизни, которые промчались так быстро в Нарбонской тиши под родительским кровом и под их защитой...

Ты знаешь, что по прибытии шестнадцатой весны моей девичьей жизни я соединилась семейными узами с римлянином, Понтием, племянником одной знаменитой фамилии, занимающей в то время в Италии одно губернаторское место. Сразу же по выходе из храма я должна была ехать с Понтием в назначенную ему провинцию. Я отправилась без радости, но и без сомнения за моим мужем, который по годам своим мог быть мне отцом. Я с сожалением вспоминала о многом... о вас, о спокойном жилище моих родителей, счастливом небе Карбоны, красивых статуях, нежных дубравах моей родины. Я приветствую вас глазами, полными слез!..

Первые годы моей семейной жизни прошли тихо и спокойно. Небо подарило мне сына; он был дороже мне, чем свет дня. Я разделяла с ним часы моего занятия, моей грусти и радости... Сыну моему было пять лет, когда Понтий, по милости императора, был назначен прокуратором над Иудеей. Тогда мы поехали с нашими людьми, нанятыми слугами, по такой дороге, которую не легко описать. Со временем я влюбилась в эту богатую фруктами провинцию, которой мой муж должен был править во имя Рима, владыки народов.

В Иерусалиме я была окружена почестями и аплодисментами, однако, жила в полнейшем одиночестве по причине той гордости и презрения, с которой обращались евреи с нами, “чужими” и “язычниками”, как они нас называли. Они говорили, что своим присутствием мы оскверняем святую землю, которую их Бог обещал их предкам. Я проводила время с моим сыном в тихих лесах, где некоторые животные питаются масличными ветвями, где пальмы с их деликатными листьями красивее, чем в Делосе, возвышаются над цветущими дикими апельсинами, и под плодовитыми Нарвами, где под прохладной тенью я шила покрывала для алтарей богов или читала стихи Вирджинии, которые так приятны слуху и так успокаивают сердце. Муж мой только очень немногие минуты посвящал для меня. Он мрачен и печален, ибо насколько ни крепка кажется рука его, все же она очень слабая для того, чтобы держать в

подчинении этот народ, который столько времени был независим и который, по натуре своей, расположен к восстанию; они разделены на тысячи бурных сект, но только в одном пункте объединяются все вместе, а именно: в бешеной ненависти против римлян.

Только лишь одно семейство из высшего иерусалимского общества проявляло ко мне некоторую приязнь. Это семейство принадлежит начальнику синагоги Иаиру. Я нашла большое удовольствие в посещении его жены Саломии, которая была настоящим примером доброты и смирения, а также в дружбе с ее дочерью, двенадцатилетней Семидой. Семида любимая и красивая, как заря Сарона, ее красивые кудри...

Иногда они мне говорили о Боге своих родителей и читали части их святых книг.

Что я скажу тебе, Фулвия? Вспоминая об известных хвалебных песнях, сочиненных Соломоном для Бога Иаковлева, Того единственного Бога, вечного и таинственного, словам и сказаниям Которого мы внимаем у наших алтарей, называя их Божественными, я поняла, что Всесилен Он и милостив и соединяет в Себе доброту, чистоту и величие. И, вспоминая о голосе Семидии, который звучит как звуки арфы, когда она поет святой гимн Добродетелю и Великому Царю Израильскому, попыталась и я играть Ему на моем инструменте, так часто употребляемом мною во время моего одиночества, у колыбели моего сына. Я опускалась на колени и звала Его много раз, и даже вопреки моей воле просила в смирении и спокойствии души моей и сердца моего того Бога, Которому вручала судьбу и рассудок, как полагается рабе, — господину, и о чудо! Я всегда вставала утешенная и ободренная.

После некоторого времени Семидия заболела. Однажды утром, когда я проснулась, мне сказали, что она умерла в объятиях своей матери без больших мучений.

Опечаленная этой вестью, я взяла моего ребенка, чтобы пойти скорее к ним и оплакать ее вместе с плакальщицами и с ее матерью Саломией. Придя на ту улицу, где был их дом, слуги мои с большой трудностью смогли проложить мне дорогу из-за множества народа, ибо плакальщицы и множество людей столпились перед их домом. Вдруг я увидела, что толпа расступается, давая проход некоторой группе людей, которые приближались к дому и на которых толпа смотрела с большим интересом и почтением. В первом из них я узнала отца Семиды, но вместо того, чтобы увидеть его печальным, как я ожидала, я вдруг увидела на его лице решительное убеждение надежды, которая не была понятна для меня. С ним шли еще трое, одетые в грубые одежды, носящие следы бедности, придавая им вид простых и неученых людей. Но за ними шел один Мужчина, одетый прилично, в полном цвете Своей молодости.

Я подняла взор, чтобы посмотреть на Него, но тут же должна была отвести его и опустить в землю, как от солнечного сияния. Мне казалось, что чело Его было освещено, а вокруг головы Его было нечто вроде сияющего круга, кажущегося венцом, а волосы Его ложились прядями на плечи, по обычаю Назореев, жителей Назарета.

Мне невозможно объяснить тебе, что я почувствовала, когда взглянула на Него! Это было самым сильным волнением, которое я почувствовала, потому что всякая черта Его лица представляла загадочную красоту, но в то же время Он внушал какой-то тайный страх Своим взглядом, который, казалось, превращал нас в прах. Я последовала за Ним, не зная, куда Он идет.

Дверь открылась, и я могла увидеть Семидию, лежащую в кровати, окруженной подсвечниками и благовониями! Она была еще красивой, в том небесном спокойствии, которое витало над ней, но чело ее было бледно-розоватого цвета, как розы, сложенные у ее ног. Палец смерти оставил свои следы вокруг глаз и на застывших губах. Саломия стояла рядом, онемелая и почти без всякого чувства. Мне казалось, что она и не видела меня.

Отец Семидии бросился к ногам описанного мною Незнакомца, Который приблизился к постели мертвой; отец, показав дочь Ему, воскликнул: “Господин мой, дочь моя находится в объятиях смерти, но если Ты пожелаешь, она воскреснет!”

При слышании этих слов я задрожала, сердце мое перестало биться из-за Того, Который не был мне знаком.

Он взял руки Семидии и, устремив на нее Свой могущественный взор, сказал: “Девушка, встань!”

Семидия поднялась со своей постели, как бы при помощи невидимой Руки. Глаза ее открылись, нежное чувство жизни снова засияло на ее устах, и она, протянув свои руки, воскликнула: “Мама!” При этом крике пробудилась Саломия. Мать и дочь обнялись в трепете друг с другом. А Иаир упал на колени перед Тем, Которого он называл Господином, целуя концы Его одежды и спрашивая: “Что мне делать, чтобы иметь жизнь вечную?” — “Люби Бога и людей”.

После этих слов Он сделался невидимым, как призрак во свете солнца. Я находилась на коленях, не зная, что делаю. После я встала, как бы со сна, отправилась домой, оставив счастливое семейство в великой радости, в такой радости, которую невозможно описать.

Во время ужина я рассказала Понтию о том, что видела и слышала. Он опустил голову и сказал: “Ты видела Иисуса Назорея, объект ненависти и презрения фарисеев, саддукеев, партии Ирода, вредных и гордых левитов из храма. Эта ненависть увеличивается с каждым днем, и единственная их мысль состоит в том, чтобы убить Его, но слова Назорея суть слова мудреца, и чудеса Его суть истинно Божьи”. “Но почему они ненавидят Его так сильно?” — спросила я. “Потому что Он обличает их обычаи и лицемерие. Я слышал, как однажды Он говорил фарисеям: “Подбеленные гробы! Порождение ехидны! Вы накладываете на братьев ваших тяжелые бремена, но до которых вы сами не прикасаетесь и пальцем. Вы даете десятину с мяты и тмина, но очень мало интересуетесь выполнением закона, верой, справедливостью и милостью!” Смысл этих слов глубок и истинен. Он оскорбил этих гордых и напыщенных людей, и атмосфера очень мрачна для будущности Назорея”...

“Но ты Его защитишь, не так ли?” — воскликнула я в пылу негодования. “Власть моя слишком слаба перед этим возмутительным и испорченным народом; в ином случае и я много бы страдал, если бы был принужден пролить кровь этого Мудреца”. После этих слов Понтий встал и пошел в другую комнату, глубоко задуманный. Я же осталась в неопишуемой боли и печали.

День Пасхи приближался. В этот великий и столь важный для евреев праздник в Иерусалиме собиралось великое множество народа со всех частей Иудеи для принесения в храм торжественных жертв праздника, которые бывали в четверг. Перед этим праздником Понтий, опечаленный чем-то, сказал мне, что будущность Назорея очень незавидна. Над Его головой совершен заговор, и может быть еще в этот вечер Он будет предан в руки архиереев.

Я содрогнулась от услышанных слов и спросила мужа: “Ты защитишь Его, не так ли?” “Смогу ли? — ответил Понтий с мрачным взглядом. — Судьба, о которой говорил Платон и которую предсказывал некоторым праведникам, кажется, постигнет и Иисуса. Он будет гоним, презрен и отдан на жестокую смерть”.

Наступило время идти спать. Как только я положила голову на подушку, чтобы заснуть, какие-то тайные силы овладели моим разумом. Я увидела Иисуса таким, каким Саломия описывала мне их Бога. Лицо Его сияло от величия, как солнце. Он летел над сияющими херувимами, исполнителями воли Его, и остановился на облаке. Мне казалось, что Он готов был судить народы, собравшиеся пред Его лицом. Одним мановением руки Он отделил праведников от беззаконников. Первые,

т.е. праведники, возносились к Нему в величии вечной молодости и в славе Божьей, а вторые, грешники, были ввержены в озеро огненное, в такой огонь, перед которым Ереба и Флегетона ничто. Тогда Небесный Судья, привлекая внимание народов, показал им на раны, покрывающие Его тело, и сказал громовым голосом: “Отдайте Мне обратно Кровь Мою, которую Я пролил за вас”.

Тогда эти несчастные молили скалы и горы земные, чтобы они проглотили и покрыли их. Напрасно раньше они чувствовали себя в безопасности перед страданиями, и напрасно представляли себя бессмертными и неподвластными разочарованию! Они погибли! О, какой сон, или лучше сказать, откровение! Как только начала появляться заря, освещающая золотые верхушки храма, я встала с сердцем, сжатым от страха от того, что видела, и уселась у окна, чтобы освежиться. Но мне показалось, что в центре города слышны крики, шум и проклятия, увеличивавшиеся все более и более, и как бушующие волны океана доносились до моего слуха. Я непрерывно прислушивалась, сердце мое испугано стучало и холодный пот выступил на челе моем.

Немного позже шум приближался все более и более, пока ступени, ведущие к судейской палате, покрылись тяжестью бесчисленной толпы.

Глубоко озабоченная тем, что может случиться неожиданное, я взяла моего сына на руки, покрыла его тонким покрывалом и побежала к моему мужу... Пришедши к внутренним дверям, ведущим в судейскую комнату, и услышав сильный шум голосов, я не осмелилась войти внутрь, а только посмотрела через пурпуровую завесу.

О, что за зрелище, Фулвия! Понтий сидел на своем престоле из слоновой кости, во всем своем величии, которым Рим окружает своих представителей, и внешне казался без страха, как это он хотел представить, но я могла понять и уловить ужас его беспокойства.

Пред ним, со связанными руками, в изорванной одежде от перенесенных побоев и с окровавленным челом стоял Иисус Назорей, спокойный и неподвижный. В чертах лица Его не было заметно ни гордости, ни страха. Он был спокоен, как невинный, и смиренный, как ягненок; смирение Его наполняло меня ужасом, ибо в ушах моих еще постоянно раздавались слова, слышанные в моем сне: “Отдайте Мне обратно Кровь Мою, пролитою за вас!” Вокруг Него стояла бешеная и разъяренная толпа, которая привела Его на суд; к этой огромной толпе примыкало множество стражей и слуг, левитов и фарисеев, сверкающих злобными взглядами. Эти последние отличались пергаментными табличками с различными текстами из закона, привязанными к их лбам. Все эти лица кипели завистью и злобой; мне казалось, что в их лицах блеснул огонь ада и что духи Ниперы смешали эти голоса с диким воем бешенных зверей.

В конце концов, по данному моим мужем знаку, воцарилось молчание. “Что вы хотите от меня?” — спросил он. “Мы требуем смерти этого Человека, Иисуса Назорея! — ответил один из священников от имени всего народа. — Ирод посылает Его к тебе, чтобы ты вынес приговор!”

“В чем вы Его обвиняете? В чем заключается тяжесть вины Его?” — после этого снова раздалось эхо их крика.

“Он предсказал разрушение храма; Он величает Себя царем Иудейским, Христом, Сыном Божьим; Он оскорбил священников Ааронова семени”, — кричали левиты. “Да будет распят!” — ревели бешеная толпа. Этот крик и теперь еще звучит эхом в моих ушах, и облик невинной жертвы вечно является перед моим воображением.

Тогда Пилат, обратившись к Иисусу, спросил Его своим притворным голосом: “Итак, Ты — Царь Иудейский?” “Ты говоришь это!” — ответил Иисус. “Ты — Христос, Сын Божий?” — снова спросил Пилат. Но Иисус не ответил Ему ни единого слова. Крик возобновился еще сильнее, и как вой дикого голодного зверя раздалась их голоса:

“Отдай Его нам, чтобы Он умер на кресте!” — Понтий снова заставил их замолчать, и сказал им: “Я не нахожу никакой вины в этом человеке и освобожу Его!” “Отдай Его нам! Распни Его!” — раздался бешеный голос толпы. Я не могла более слушать и, позвав одного моего служителя, послала его к моему мужу, чтобы тот позвал его ко мне на несколько слов.

Понтий моментально покинул судейский зал и пришел ко мне. Я бросилась к его ногам говоря: “Ради всего, что тебе дорого и мило, ради этого ребенка, залога нашего святого брачного союза, не делайся виновником в пролитии крови этого Праведника, Который подобен бессмертному Богу. Я видела Его в эту ночь во сне; Он был окружен Божественным величием. Он судил человечество, которое дрожало перед Ним, и между теми несчастными, которые были ввержены в огонь геенны, я узнала лица тех, которые требуют Его смерти... Берегись поднимать твою пресвятую руку против Него! О, поверь, что единственная капля этой крови произведет на всю вечность твое осуждение!”

“Все, что происходит теперь, устрашает и меня самого, — ответил мне Понтий, — но что я могу сделать? Щит римской стражи очень малочислен и эта защита совсем слабая перед этим одержимым демонами народом. Несчастье ожидает нас, ибо они не требуют от суда справедливости, но отмщения. Успокойся, Клавдия. Иди с ребенком в сад, глаза твои не созданы для того, чтобы смотреть на эту кровавую картину”.

После этих слов он вышел и оставил меня одну, а я впала в безнадежное и жалостное терзание. Иисус все еще был мишенью всех издевательств и побоев на суде со стороны толпы и грубых солдат; их страсти разгорались еще сильнее при виде Его безграничного терпения.

Понтий в ужасе вернулся к своему престолу. Когда толпы увидели это, то снова заревели зверские голоса: “На смерть, на смерть Его!”

По древнему преданию, к дням Пасхи губернатор освобождал всегда по одному осужденному на смерть в знак благодеяния и помилования. Для исполнения этого божественного поступка он всегда обращался к народу. Видя в этом обычае средство для освобождения Иисуса, Понтий спросил у народа громким голосом: “Кого вы хотите, чтобы Я освободил вам на праздники, Варавву или Иисуса, называемого Христом?”

“Освободи Варавву!” — редела толпа. Варавва же был разбойником и убийцей, известным во всех окрестностях за совершенные им жестокости. Понтий спросил снова: “А с Иисусом Назореем что я сделаю?” “Да будет распят!” — кричали они. “Какое же зло сделал Он?” С ещё большей яростью они снова закричали: “Да будет распят!”

Понтий в разочаровании склонил голову на грудь. Дерзость толпы увеличивалась поминутно, и Пилат опасался, чтобы не подставить под угрозу свой авторитет и римскую власть, которую он так сильно защищал. В Иерусалиме он не имел другой защиты, кроме телохранителей, потому

что еще только немногие из местных солдат присягнули нашему орлиному знаку. Волнение росло каждую проходящую минуту. Ни разу я не слышала такого шума в цирке, и ни разу схватки в Форуме не имели столько влияния над моим слухом. Нигде не было видно спокойствия. Оно покоилось только лишь на единственном челе Жертвы.

Побои, издевательства, всеобщее презрение и приближение мучительной смерти — ничто не могло омрачить тот небесный и светлый взор. Те глаза, которые дали жизнь дочери Иаира, смотрели на своих мучителей с неопишуемым выражением мира и любви. Он, бессомненно, страдал, но страдал с радостью, и дух Его, казалось мне, вознесился к невидимому престолу, как чистое пламя всеожжения.

Судейский зал был полон народа и казался пенящейся рекой, воды которой толпились,

начиная от горы Сиона, где был храм, и до Претории, и каждую минуту прибавлялись новые голоса к этому адскому хору. Муж мой, утомленный и под угрозами, был принужден в конце концов уступить.

О, роковой час гибели!

Понтий встал. На лице его вырисовывалось сомнение и ужас смерти. Он вымыл руки в умывальнице с водой; проделав этот символический знак, сказал:

“Не виновен я в крови этого Праведника”.

“Да будет эта кровь на нас и на детях наших!” — ревел несчастный и сумасшедший народ, толпясь вокруг Иисуса. Палачи, как бешеные, схватили Его. Я проводила взором Жертву, Которую повели на заклание...

Сразу глаза мои затуманились от частого сердцебиения, и мне показалось, что жизнь моя подошла к концу. Я была подхвачена на руки моими женщинами-служительницами и подведена к окну, ведущему во двор Трибунала. Я склонилась и увидела следы пролитой крови. “Здесь били Иисуса кнутом”, — сказала одна из моих служанок. “Там Его короновали тернистым венцом”, — сказала другая из них. “Солдаты издевались над ним, называя Его царем Иудейским, ударяя Его по лицу. Теперь Он испускает свой дух”, — ответила третья.

Каждое из этих слов пронизывало мое сердце, как ударами ножа. Подробности этого ужасного беззакония умножали мои страдания и мучения, теснящиеся в моей груди. Я чувствовала, что в этот несчастный день случилось сверхестественное событие. Мне казалось, что и небо было похоже на мою жалость, что оно страдало, как и мое сердце. Большие, черные и грозные тучи в различных формах витали над землей, и от столкновения облаков разряжались молнии, несущие эхо сильного грома...

От этого шумный город притих, точно задумавшись, и гробовая тишина овладела им, как будто бы смерть покрыла его своими черными крыльями. Неопишущий ужас приковал мой взор к одному месту. На дворе начало темнеть, к девятому часу дня мрак начал густеть. Я прижала ребенка к груди и вдруг началось сильное землетрясение, потрясающее все на земле.

Человек мог подумать, что наступило опустошение мира, или что стихии превращаются в примитивный хаос. Я опустилась на землю. В это время одна из моих женщин, еврейка по происхождению, вошла в мою комнату; бледная, разочарованная и с испуганными глазами она вскрикнула:

“Наступил последний день! Бог извещает это чудесами! Завеса храма, отделяющая Святое от Святого святых, разодралась надвое сверху до низу. Горе Святому жилищу! Говорят, что много могил открылось и многие увидели воскресших праведников, которые давно уже были отошедшими из этой жизни: пророки и священники со времен Захарии, который был убит в храме, и до Иеремии, предсказавшем падение Сиона, появились в городе. Мертвые предвещают нам гнев Божий. Наказание Всесильного расстилается, как пламя”.

Когда я услышала эти слова, мне казалось, что я теряю рассудок! Я встала и, едва волоча ноги, вышла на ступени; здесь я встретила сотника, участвовавшего при избиении Иисуса. Он был седым воином, храбрецом, закаленным в битвах с германцами и с другими народами. Ничье сердце не было так бесстрашно и смело, как сердце этого воина. Но в эти минуты он был угрюм и утомлен мучениями раскаяния. Я желала расспросить его подробнее о случившемся, но он прошел мимо меня, повторяя: “Тот, которого мы убили, поистине был Сыном Божьим!”

Я вошла в большой зал. Там сидел Понтий, закрыв лицо руками. Когда он поднял голову, увидев меня, то разочарованно воскликнул: “Ах Клавдия! Почему я не послушал тебя?! Мое омраченное сердце не испытывает уже больше радости. Почему ценой своей собственной жизни я не мог защитить этого мудреца?”

Я не имела более смелости ответить ему. Я не могла найти слов для ободрения и

отвлечь его от того несчастья, которое на вечность запечатлело нашу гибель. Наше гробовое молчание было прервано ударами грома, раздающегося по всем коридорам палаты.

Несмотря на ярость грозы, один старик пришел к нашему жилищу. Его подвели к нам, а он со слезами на глазах бросился к ногам моего мужа, говоря: “Я — Иосиф из Аримафеи, и пришел к тебе просить у тебя разрешения снять с креста тело Иисуса и похоронить Его в моей гробнице”. “Иди и возьми Его”, — ответил Пилат, не поднимая глаз и не глядя на него. Старик вышел, и я увидела, что к нему присоединились несколько женщин, одетых в длинные одежды, которыми они были накрыты, ожидая старика у ворот.

Таким образом закончился этот роковой день! Иисус был погребен в пещере, высеченной в камне, и ко входу в нее приставили часовых.

Но, о, Фульвия! На третий день, полный величия сияния и победы, Он показался в этом городе.

Он воскрес. Исполнил Свои предсказания и, возвышаясь победно над смертью, показался сперва Своим ученикам и друзьям, а потом и множеству народа. Об этом свидетельствовали Его ученики, подтверждая свидетельство своей собственной кровью и распространяя весть о Господе Иисусе перед престолами великих и судей. Но для вернейшего доказательства Его учения были поручены нескольким рыбакам из Тиверии. Это учение распространяется по всей империи.

Эти неученые люди сразу становятся знаменитыми и известными, благодаря своим сладким и полным силы словам. Новая вера растет, как горчичное семя, истинно плодovitый корень, которому должны подчиниться все корни (т.е. фальшивые религии и римское величие).

С этого времени у моего мужа все пошло к худшему. Будучи обвинен Сенатом и самим императором Тиверием за свой поступок (ибо царь ненавидел евреев) и подозреваемый даже и теми, желание которых он удовлетворил, — жизнь его превратилась в отравляющее терзание. Саломия и Семидия смотрели на меня со страхом, потому что они видели во мне теперь жену гонителя и ловушку для их Господа, ибо они стали последовательницами Того, Который даровал дочь матери и мать дочери. Я начала замечать у них вместо доброты и смиренности недоверие, заставляющее их дрожать, когда я смотрела на них, и я немедленно перестала их посещать. В это время моего одиночества, я отдалась непрерывному исследованию некоторых моральных учений Иисуса, которые были даны мне Саломиею и которые я бережно хранила.

О, дорогая подруга! Как пуста и незначительна мудрость наших великих в сравнении с тем учением, которое Сам Бог обещал послать на землю! О, как глубоки эти слова мудрости! Сколько в них мира и благодати! Единственное мое утешение состоит в том, чтобы читать их и перечитывать.

По прошествии нескольких месяцев Понтий был смещен со своего авторитетного поста. Мы должны были вернуться в Европу, кочуя из города в город. Он носил с собой по всей империи печать своего унижения и мучения своих душевных разочарований. Я ехала вместе с ним, но каковою была моя жизнь с ним?! Приятная дружба семейной жизни давно перестала существовать между нами — в моей личности он видит живого свидетеля воспоминаний о его преступлении. Я также вижу в нем образ и крест, полные крови Того, Которого он, несчастный и незаконный судья, приговорил к смерти. Я не имею смелости поднять на него взор мой и посмотреть ему в глаза. Звук его слов, тот голос, который произнес осуждение, пронизывает и ранит мое сердце. А когда он после обеда моет свои руки, то мне кажется, что он не моет их в чистой воде, а в той теплой крови, следы которой не возможно

стереть.

Однажды я взялась говорить ему о покаянии и сожалении о совершенных грехах, но ни разу не забуду его дикого взгляда и яростных слов безнадежности.

Спустя некоторое время дитя мое умерло в моих объятиях, но я не плакала по нему. Счастливец! Он умер счастливым, ибо избежал того проклятия, которое повсюду преследует нас, и снял со своих плеч огромную тяжесть имени своего родителя. Несчастье преследовало нас непрерывно по причине того, что во всех местах существовали христиане; даже и здесь, в этой дикой отчизне, где мы попросили, чтобы нам была дана защита, у волн моря и странных скал, даже и здесь можно услышать, с каким негодованием произносится имя моего мужа!

Посланные проповедовать учения Иисуса в объяснениях о своей вере написали слова: “Он был распят по повелению Понтия Пилата”.

Ужасное проклятие, которое будет повторяться во все века!

Прости, Фулвия! Плачь и ты, думай обо мне. Да поможет тебе праведный Судья, Бог, и да одарит тебя всем блаженством, которое мы желаем одна другой!
Извини меня”.

Объяснения к вышеприведенному письму

Согласно некоторым историческим документам, Понтий Пилат, потеряв надежду на прощающую милость Божью, покончил жизнь самоубийством, как это сделал и Иуда. А жена его умерла христианкой, да еще и пострадала за веру во Христа. Греки считают ее в числе святых и празднуют её день 21 декабря.

Вот что говорит история Никифора Калиста (том 2, гл. 10) о причине смерти Пилата:

“Какой-то обманщик собрал на горе Гаризоне множество самарян с целью показать им сосуды, спрятанные самим Моисеем. Пилат, услышав об этом собрании, которое как будто было против римлян, воспользовался этим случаем, чтобы отомстить тем, которых он ранее ненавидел за их беззакония. Он окружил их своей кавалерией, приказав убить их главарей, а толпу разогнать пиками, а кого догонят — убить. Самаряне, сограждане убитых, пожаловались на него губернатору Сирии, Вителию, брату кесаря с тем же именем, потому что его авторитету были подвластны те из Иудеи. Вителий нашел Пилата виновным и повелел, чтобы он поехал в Рим представиться кесарю Тиверию. Он также имел некоторые неприятности по причине жалобы, посланной ему Марией Магдалиной за его несправедливый поступок. Пилат не смог оправдаться перед царем Тиверием и поэтому был заключен в Галию, приблизительно в 37 г. н.э. Оттуда он был направлен в Вену, где и покончил жизнь самоубийством по причине унижения и угрызения совести.

Письмо жены Пилата проливает большой свет на события, происшедшие в связи со смертью и воскресением Иисуса Христа, и утверждает еще больше веру в подлинность Евангелия. То, что пишет жена Пилата, достойно большого внимания, потому что она как жена его была в интимной связи с Пилатом, главным судьей Иисуса. Письмо ее также упоминает о воскресении святых при смерти Господа на кресте; оно говорит, что они были из пророков и священников. “Итак мы можем с точностью заключить, что 24 старца, виденные Иоанном в его видении, записанном в Откровении 4:4, 5, 8, 9, — это те, которые воскресли при смерти Господа Христа. А сон ее соответствует видению Иоанна в Откр. 6:16, 17”.

Пересмотр Христова процесса

Чудное дело происходит в наши дни. Еврейский народ нынешнего времени пересматривает процесс Иисуса и находит Его невиновным, а предков своих виновными в преступлении убийства Сына Божьего. Конечно, и Римская юстиция не менее виновна. Для лучшего ознакомления с этим делом передаем краткий рапорт о “Пересмотре судебного процесса Христова”.

Не очень давно газеты опубликовали небольшое примечание, в котором говорилось, что представители еврейской нации желают составить трибунал, который пересмотрел бы процесс, осудивший на смерть Сына Божьего.

25 июля 1931 года произошел пересмотр этого процесса, о котором газета “Телеграф” пишет следующее:

“Иерусалим, 25 июля 1931 г. Как уже было заранее объявлено, сегодня произошло прение по делу Христова процесса и пересмотр его приговора к смерти. Ровно в 4 часа утра здание трибунала было переполнено, и понадобилось вмешательство полиции для того, чтобы не впустить остальную публику внутрь.

В начале суда присутствовало много юрисконсультантов из различных стран, которые были специально приглашены участвовать в обсуждении этого процесса. Окружное заседание суда было составлено из самых виднейших в еврейской нации личностей, которые еще с самого начала обещали и объявляли произнести приговор со всею справедливостью и установить ошибку вынесенного в те времена приговора. Председателем этого суда был д-р Вельдеисель, один из важнейших законоправителей еврейства. Защитником был адвокат Рейхсвев, а обвинителем д-р Брандейслер.

В 14:30 (в 2:30 п. об.) начались прения, и председатель дал слово обвинителю. Д-р Брандеслейр развернул целый архив документов, содержащий около 1000 машинописных страниц. Он начал доказывать, что суд, осудивший тогда Иисуса, стремился поступить по справедливости, потому что в то время никто, кроме учеников, не мог видеть в Нем Сына Божьего. Он был вреден обществу, как опасный заговорщик, который собирал вокруг себя людей, для того чтобы сопротивляться господству и который проповедовал несуществующую религию. Он непременно должен был быть приговорен к смерти как все другие, появляющиеся до него.

Обвинитель продолжал далее с жестокостью обвинять Мученика, основываясь на доводах Своих документов. Окончив свою речь, которая длилась 4 часа, он просил окружной суд чтобы судьи подтвердили вынесенный тогда приговор, ибо это лежит на их обязанности и в согласии со здоровой справедливостью.

После этого председатель суда дал слово защитнику — адвокату Рейхсвеву. Тот поднялся, причем гробовая тишина господствовала в зале среди присутствующих.

Он сказал, что докажет, насколько тот приговор был неверен и несправедлив, и что Иисус был жертвой бесчисленных ошибок юстиции тех времен. Он доказал, что Иисус не мог быть осужден на смерть, потому что Он не совершил ни одного преступления. Он только лишь проповедовал такую религию, которая вела к спасению, но которую человеческий эгоизм того времени не пожелал принять. Как мог Христос быть обвинен в какой-нибудь ошибке? Никто не имеет для этого никакого доказательства. Он напомнил о Пилате, который сказал: “Я не нахожу в Нем никакой вины!”, и в знак Его невиновности Пилат омыл свои руки перед лицом Его обвинителей, но так как они угрожали Пилату, что донесут на него кесарю, он отдал Христа в их руки.

Защитник продолжал свою красноречивую защиту и просил присяжных окружного суда, чтобы они не были эгоистичны и не жертвовали чистой справедливостью ради

государственных интересов. Он привлек их внимание к тому факту, что Тот осужденный находится на небе и готов простить перенесенную Им несправедливость. После пятичасовой защиты адвокат закончил свою речь. Заседание перешло к обсуждению в отдельный зал.

Когда судьи вернулись в суд, председатель прочел следующее решение: “Четырьмя голосами против одного Осужденный оправдан, так как доказана Его полная невиновность. Обвинение Его было одним из печальных заблуждений, которое принесло Божественное наказание на еврейскую нацию, пока она освободится от своей вины”.

Защита была горячо аплодирована, после чего присутствующие разошлись в спокойствии.

После 1900 лет иудейские руководители сознали ужас юридического преступления, которое совершили их предки в этом же месте, где теперь несколько их последователей торжественным образом сознают, четырьмя голосами против одного, невиновность Господа Иисуса Христа”.

Сколь пусто и безвестно, однако, было обвинение доктора Брандеслейра, говорящего, что религия Христа была тогда еще неизвестна и что только лишь Его ученики признавали Его высшую мудрость. Но неужели истина и справедливость зависят от утверждения народа?

Сколь жестокой и деспотичной является предрассудок против Сына Божия! Христос был готов умереть для искупления людей, но тот факт, что религиозные руководители Его собственного народа жаждали пролития Его крови, еще больше наполнило чашу Его страданий!

Единственное наше желание, которое мы имели при сборке и публикации этих документов, — это то, чтобы все могли увидеть и исследовать эти столь важные и интересные события и чтобы всякая душа могла увидеть и убедиться в перенесенных страданиях Того, Который так горячо нас возлюбил! В подлежащей работе описаны страдания и полная испытаний дорога Иисуса Христа, Сына Божьего, чтобы все имели возможность увидеть, по какому пути нужно идти, чтобы достичь жизни вечной.

Пройдет ещё немного времени, и Тот, Который пострадал, явится, чтобы собрать всех гонимых и несправедливо осужденных из народа Своего.

Дорогой и возлюбленный читатель! Думал ли ты когда-нибудь о той дороге, которая ведет ко Христу на Голгофу?! Желает ли и ты быть участником блаженства и славы Христа? Чувствовал ли ты когда-нибудь стремление следовать за Христом? Если ты желаешь спасти себя и всех тобой любимых, тогда смотри в молитве на Голгофу и взирай в силе веры на Того, Кто пострадал за тебя и за всех, чтобы были спасены. Только когда ты будешь взирать верой, сможешь познать путь к вечной жизни и только лишь тогда сможешь оценить Священное Писание и заповеди Божьи и поймешь их действительность. Только тогда сможешь увидеть, что обязанность тех, которые желают быть спасёнными, не иная, как только та, чтобы идти путём послушания и страдания за истину Божью. О, какое спасение и какое обетование ожидает нас, если мы будем служить Богу! О, если бы мы могли понять, сколько любви проявил и сколько пожертвовал Бог для каждого из нас, чтобы мы были спасены! Сколько терпения имеет Он к тебе, любезный

читатель, пока ты внемлешь Его Божественному призыву к покаянию. Он постоянно зовет твое сердце и говорит твоему слуху, чтобы ты вернулся в смирении к Господу Иисусу и чтобы отдал Ему на всю твою будущность все свое сердце и всю свою жизнь!

Да поможет Господь, чтобы эти слова и документы вызвали в нас горячую и истинную жажду искать Иисуса и следовать за Ним через всякое страдание, совершая только лишь волю Божью. Аминь!

Д. Никулич